LUCKY

Ермаков Евгений

LUCKY 10

«Автор»
2026

Евгений Е.

LUCKY 10 / Е. Евгений — «Автор», 2026

В тридцать один год кажется, что главный сценарий твоей жизни уже давно утверждён: работа, дом, понятное завтра. Пока в один совершенно обычный вечер тебе не сообщают, что в этом кино ты больше не снимаешься.Чтобы прийти в себя, Алексей Воронин возвращается в город своей юности и по совету старого друга ввязывается в один весьма сомнительный эксперимент. Вот только чем точнее пытаешься следовать инструкции, тем быстрее всё выходит из-под контроля. Ироничная и тёплая комедия о том, как в попытке убежать от прошлого можно случайно врезаться в своё настоящее.

© Евгений Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Линия разлома 5
Глава 1. Знаки свыше 5
Глава 2. Тихий обвал 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Ермаков Евгений
LUCKY 10

Часть первая. Линия разлома

Глава 1. Знаки свыше

Знаете, иногда я чувствую себя словно в кино. Так себе и представляю: чёрный экран, где-то вдалеке гитара, и голос за кадром, хриплый, словно его владелец всю жизнь курил на балконе в минус двадцать. Голос говорит: «Это история Алексея Воронина. Тридцать один год, менеджер по закупкам сантехники. Женат. Пока».

Мы с Кристиной оба самарские. В Москве спорили, где лучше покупать помидоры, а потом обнаруживали, что оба описываем один и тот же ряд на самарском рынке, только я захожу с трамвайной остановки, а она с другого конца.

Вот это «пока» надо было слышать заранее. Но в жизни, в отличие от кино, закадрового голоса нет. Есть только ты, твоя ипотека в Люблино и жена, которая однажды за ужином кладёт вилку и говорит:

— Лёш, я записалась на курсы. По вторникам буду приходить попозже.

Я кивнул и потянулся за календарём. Я, если честно, обрадовался. Курсы — это хорошо. Курсы — это английский, вождение, ну на худой конец гончарное дело, где все сидят с мокрыми руками, как в фильме «Привидение».

Через неделю она попросила распечатать лист с домашним заданием. В верхнем углу было написано «Курс Галины Петровны», а вместо имени Кристины стояло «Участница группы № 18».

— Крис, а что за курсы?

— «Почувствуй Вселенную».

Я подождал продолжения. Продолжения не было.

— Это… астрономия?

Кристина посмотрела на меня так, как смотрят на голубя, который пытается склевать окурок. С жалостью и лёгким отвращением.

— Это работа с энергией, Лёша. Женской энергией. Денежным потоком. Ведёт Галина. Она мастер.

— Мастер чего?

— Вселенной.

Если бы я тогда знал, что Галина мастер Вселенной, а до этого двенадцать лет была заведующей птицефермой «Рассвет» под Рязанью, я бы, наверное, что-то заподозрил. Но я не знал. Я доел котлету и сказал: «Ну ок, если тебе нравится».

Запомните эту фразу. «Ну ок, если тебе нравится». Её нужно высечь на моём надгробии.

А ведь я умел говорить другие вещи. В том же Люблино, в той же кухне. Когда мы въехали, плиты ещё не было, и мы с Кристиной жарили яйца в половнике на туристической горелке. Два яйца зараз не помещались. Она своё уже съела, а я своё всё держал над огнём, потому что сообразил, что, если его съесть, придётся встать с пола и опять делать ремонт. На стене был квадрат обоев, наш первый. Из-под него выползал пузырь.

— Смотри, — сказала Кристина. — Это рыба.

Я положил половник и дорисовал рыбе карандашом глаз. Кристина дорисовала водоросли и маленького аквалангиста с моей фамилией на баллоне. Через два дня обои отошли

совсем. Мы их сняли, а рыбу нарисовали прямо на штукатурке, на том месте, куда должен был встать холодильник. Через неделю встал холодильник. Иногда ночью он гудел, и Кристина говорила: «Тихо. Это Воронин кислород экономит». У нас было много такого хозяйства, которое не бросалось в глаза посторонним. Попробуй объясни кому-нибудь, почему от слов «баллон заправил?» вдруг смешно.

В тот вечер после известия о курсах я мыл посуду. Резиновая перчатка была одна, левая, и, чтобы домыть сковородку, я надел её на правую руку. Получилась клешня. Кристина стояла в дверях с мокрым полотенцем на голове и смотрела, как я воюю. Могла уйти. Постояла.

— Ты даже не спросил, откуда я про них узнала.

— А откуда?

— Сейчас уже глупо рассказывать.

Я выключил воду. Смешно, но именно этот жест я помню лучше, чем её тогдашнее лицо. Закрываешь рычаг локтем, в раковине последний раз булькает, и оказывается, что в квартире можно услышать, как у человека сбивается дыхание.

На прошлой неделе у них на работе неожиданно освободилось место старшей смены. Кристина осталась после закрытия, нарисовала, как переставить столы, чтобы люди с талончиками не толкались у окна. Распечатала два варианта, с утра принесла начальнице. Начальница посмотрела и сказала: «Вы у нас умница. Распечатайте ещё три». На должность взяли племянницу кого-то из бухгалтерии. Та первым делом переставила столы.

— Я же тебе говорила. Ты ещё ответил «нормально».

Я на самом деле думал, что у них уже переставили столы, ей стало удобнее, про это она мне и рассказывала. А оказалось, там где-то в середине, между столом и окном, в рассказе была она. Я её проскочил, как нужный съезд на кольцевой.

— Позвонишь начальнице? Давай я с тобой отрепетирую.

— Что я ей скажу, Лёш? Расставьте обратно?

Она сняла полотенце, расчесала пальцами мокрые волосы. В среду одна женщина, которая приходила к ним разбираться с очередью, вернулась перед закрытием. Думала, Кристина там главная. Узнав правду, попросила разрешения её обнять. Ну и обняла. От неё пахло холодом и леденцами. Её звали Инна. Вот Инна и позвала на занятия. Сказала, там можно целых две минуты говорить и никто не имеет права тебя перебить.

— Две минуты чего угодно? — спросил я.

— Представь.

— Хочешь сейчас две?

— Сейчас хочу спать.

Я тогда обиделся. Мог бы, кстати, предложить и три. Пока я пересчитывал минуты и свои достоинства, Кристина уже отнесла мокрое полотенце в ванную. Мелкой зелёной расчёской с зубчиками разной длины прочистила слив, аккуратно вытащила волосы и выкинула. Наутро я обнаружил на столе завёрнутый в фольгу бутерброд и сто рублей монетами на парковку. Она помнила, что в первом часу мне забирать образцы. И я решил, что всё у нас хорошо. Так и измерял. По бутербродам.

До первого занятия мы съездили за продуктами. В молочном отделе у меня был список скидок, Кристина возила тележку петлями.

— Если бы тебе прямо сейчас дали выбрать один день, какой угодно, — сказала она, когда мы остановились у сыра, — чем бы ты занялся?

— В рабочий или в выходной?

— Один день. Про погоду можешь сам решить.

Я задумался всерьёз: сравнил рабочий вторник с субботой, дачей родителей и удобством московского метро.

— Я бы выспался.

— А потом?

— А потом ты разбудишь.

Я нашёл её с синим блюдцем в руках. На ценнике кто-то зачеркнул девятку и написал четвёрку.

— А ты? — спросил я, потому что у меня появилось ощущение, будто где-то прозевал встречный вопрос.

— Я бы открыла дверь.

— Какую?

— Свою. Только чтобы за ней люди стояли. Заходили и здоровались со мной. Какой смысл говорить, Лёш, ты же сейчас скажешь, что я уже работаю там, где очередь.

А я именно это и собирался сказать. Пришлось взять блюдце и пойти к кассе. Мы потом ели с него мандарины. Кристина срезала им ножом донышко, чтобы не укатывались. И так меня умиляли эти её маленькие меры против мирового хаоса, что я даже не сразу заметил, как она начала принимать большие.

✦ ✦ ✦

Первый месяц всё было мирно. Кристина приходила с занятий по вторникам и четвергам, светилась, пила какой-то чай из пакетиков с надписью «Изобилие», который, как по мне, пах сеном и котом. На холодильнике висела бумажка: «Я магнит для денег». На зеркале в ванной губной помадой было написано: «Вселенная, я готова».

— Готова к чему? — спросил я, бреясь.

— К изобилию.

— А, ну это мы с тобой давно готовы. Особенно двадцать пятого числа, когда ипотеку списывают.

Она не засмеялась. С какого-то момента Кристина вообще перестала смеяться над моими шутками. Сначала я думал, что шутки стали хуже. Потом понял, что шутки те же самые, а вот публика сменила абонемент.

Особенно я почувствовал перемену в воскресенье, когда мы помогали людям менять шторы. Людьми оказалась та самая Инна с занятий и её отец. Шторы были сценические. Мне просто сказали — возьми шуруповёрт, поможем женщине. Я и взял. А попал в подвал районного дома культуры, где на полу лежало нечто бордовое размером с Воронежскую область, и посреди этой области сидел пожилой мужчина на офисном стуле без спинки.

— Пять лет была нормальная занавеска, — сказал мужчина. — Потом ей дали название «кулиса». И понеслась.

У Инны были разноцветные ногти и взгляд бухгалтерши, которая уже знает, где ты ошибся. Три крючка на потолочной шине согнулись, мокрый занавес порвался. К вечеру дети готовили сценку про море, а за занавесом учительница английского должна была переодеться в осьминога.

Я полез на стремянку. Стремянка подо мной начала медленно ехать в сторону подсобки.

— Дядечка, — сказала девочка с картонным штурвалом, — у нас пол кривой.

— Спасибо, капитан. Лево руля.

Девочка бросила штурвал и села на нижнюю перекладину. Движение прекратилось. Хорошая профессия — капитан. Команду воспринимаешь как предложение немедленно спасти корабль.

Иннин отец подал пассатижи. Кристина с Инной тем временем сели прямо на сцену и начали зашивать дыру. У Галины есть занятие для семьи. Нет, Кристина пока одна. Как это одной, вон, ноги в пыльных ботинках свисают. Ноги тоже, если захотят, могут прийти. Они засмеялись, и следом я услышал, как Инна спрашивает у Кристины какой-то совсем другой совет: у отца кончается договор с домом культуры, как попросить новый, если они всё время

говорят, что денег нет. Отец с августа работает за идею. Вон сидит. Заплати ему идеей за таблетки.

Моя жена, которую дома я не мог дослушать, стала расспрашивать Инну: кто подписывал договор, у кого ключи от склада, знает ли директор, кто остаётся после вечерних кружков. Девочка-капитан слушала их снизу.

Я починил четыре крючка вместо трёх и пришёл в то состояние, в которое мужчина приходит после любого действия с металлом. Всё, думаю. Теперь дело за женщинами и их занавесочкой. Слез, протёр руки. Кристина попросила пока не снимать старую шину, чтобы отец успел показать директору, что здесь не просто всё так само держится. Я слегка расстроился: собирался продемонстрировать, как легко умею снимать старые шины. Но согласился.

— Вы её муж? — спросил Иннин отец, пока мы вдвоём стояли за кулисой.

— Вроде бы.

— Это я к чему. Когда она деньги пойдёт просить за мою работу, сходите с ней. Одного человека у нас зачем-то не слышат. Может, вдвоём хоть услышат.

— Она же вас сегодня первый раз видит.

— И что? Я вон эту вашу девочку, — он кивнул на капитана, — тоже вижу в первый раз. А если не пообедает, дам ей яйцо. Оно же у меня есть.

Кристина к директору пошла после репетиции. Я за ней. У двери она остановилась и сказала:

— Если я забуду, как его зовут, скажи тихо.

— Директора?

— Нет. Того, за кого просим. Я так волнуюсь, всё время думаю: сейчас назову Иннокентием. А он Валентин.

Директор молча смотрел на оранжевые щупальца осьминога на подоконнике. Предложил отдать их учительнице английского. Про деньги сказал: надо посмотреть.

— Посмотрите сейчас, пожалуйста, — сказала Кристина.

И села. Я бы уполз со щупальцами и называл бы это компромиссом. А она просто села, и я тоже сел. Мы вчетвером, считая осьминога, провели там двадцать три минуты. В конце директор дозвонился до своего бухгалтера, написал фамилию Валентина на руке и поставил дату, когда прийти за договором. Бумаги с собой у него не оказалось. Смешно, если подумать. Под целой папкой с надписью «Документация» в доме культуры хранилось домино без дубля шесть.

Капитан тихонько запела «ура», когда мы вышли. Кристина распрямилась и показалась мне такой красивой, что захотелось подарить ей цветы. Но сначала я обещал помочь поднять занавес.

После спектакля нам подарили два картонных якоря на резинках. Мы шли к автобусу с якорями на шее — Иван Айвазовский и его бухгалтер. Возле цветочного киоска Кристина потёрла нос.

— Не надо, — сказала она. — Лучше пошли чай пить.

Там, в тесной пекарне возле остановки, сидя на высоком стуле, она принялась рассказывать, как на занятии их учили сесть и ждать. Людям становится неудобно, и они делают, что ты просишь. Вот видишь. Сработало. Галина была права.

— Сработало то, что у тебя хватило совести помочь чужому мужику, — ответил я. — Я тебя и до Галины в этом подозревал.

— Значит, ты мной доволен?

— Я что тебе, техосмотр?

Она скинула на стол мелочь за чай и больше к этому не возвращалась. А я долго не мог понять, почему не сказал «да». Я же был ею страшно доволен. Гордился так, что даже

директорский стол, пока сидел, незаметно подправил у ножки, чтоб не качался. И всё равно почему-то умудрился послать к человеку вместо себя шуточку про техосмотр.

Через неделю Инна прислала фотографию: Валентин в белой рубашке держал договор с печатью. Кристина повесила снимок на холодильник над бумажкой про магнит для денег. При каждом хлопке дверцы Валентин кивал оттуда. Пожалуй, только ему польза от этой истории была подтверждена документально.

На второй месяц я впервые увидел Галину. Кристина показала мне видео с занятия. На экране сидела женщина лет пятидесяти пяти, в леопардовой блузке, с начёсом, который выдержал бы прямое попадание. Говорила она так, будто зовёт корову с выпаса:

— Девочки! Вселенная — она как бык-производитель! Её надо правильно позвать! Если ты зовёшь неуверенно, она к тебе не пойдёт! Она пойдёт к той, кто зовёт громко! Повторяем: Вселенная, я твоя!

И двадцать женщин в зале хором: «Вселенная, я твоя!»

Я поставил на паузу.

— Крис. Она сравнила Вселенную с быком.

— Это метафора.

— Это не метафора. Это опыт работы.

Кристина забрала телефон и неделю со мной не разговаривала. Вселенная, видимо, тоже.

В пятницу этой молчаливой недели я пришёл с работы пораньше. Перед нашей дверью лежал плоский конверт с моим именем: две фотографии, записка и сорок восемь рублей. Я решил, что это штраф. Ошибся.

«Дорогие соседи, верните вид из окна», — просили фиолетовые буквы. На снимке был железный козырёк, а на нём — наша старая обувная коробка. Её снесло ветром с балкона; теперь она загораживала окно соседям снизу.

— Что за деньги? — спросил я вслух.

Кристина промолчала. Я спустился этажом ниже. Открыла женщина с половником в руке и крикнула в квартиру:

— Мить, спускайся с кровати, гражданин пришёл!

Мите было девять. Он фотографировал птиц для школьного альбома и уверял, что в нашей коробке поселилась трясогузка. Он видел хвост — в бинокль. Коробку теперь можно было достать только сверху. Сорок восемь рублей Митя собрал на оплату альпиниста.

— Какие там услуги, — сказала мама с половником. — Возьмите его на три минуты к себе посмотреть. А то есть не будет до вечера.

Мы вернулись с Митей и биноклем. Кристина усадила его на перевёрнутый тазик подальше от перил, выдала тёплые носки и назначила главным наблюдателем: если мы слишком высунемся, кричать «свисток».

Коробка зацепилась за край козырька. Внутри виднелись ветки, корка хлеба и красное пластиковое кольцо от бутылки — ни птицы, ни яиц. Кристина подцепила коробку палкой с вешалкой, я потянул, Митя несколько раз крикнул «свисток». Из коробки выбрался серый коротконогий паук. Митя спросил:

— А это точно не птенец?

На своих сорока восьми рублях Митя настаивал; мы отдали деньги его маме. Паука переселили в пустой цветочный горшок, коробку закрепили пониже, а соседка угостила нас горячим пирогом с капустой.

Дома мы ели пирог на полу. Кристина положила голову мне на колени и сказала:

— Три дня уже тебя прощаю, никак кончить не могу.

Я хотел спросить, почему три, если в календаре пятый. Вовремя положил в рот последний кусок.

Мы посидели молча. Потом Кристина призналась, что ей страшно, когда я смеюсь над Галиной. Я спросил, почему. Она чуть отодвинулась, даже не вставая с моих колен.

— Потому что рядом я сижу. Ты смотришь, когда смеёшься, на меня.

Наутро я нашёл в кармане красное пластиковое кольцо. Зачем-то принёс его домой, хотя оно было надломлено, словно буква «С». Положил в стакан с зубными щётками, к безымянному ключу и винту от неизвестного прибора. Для вещей без назначения там всегда находилось место. Мне казалось, и для Кристины тоже.

Глава 2. Тихий обвал

Прошёл год. За этот год в нашей квартире появились: восемь мешков чая «Изобилие», денежная жаба с монетой во рту (сорок тысяч рублей, заряжена лично Галиной), карта желаний на ватмане и книга «Женщина-магнит: как притянуть мужчину уровня Б» за авторством, конечно же, Галины Дуськиной.

Уровень Б, если что, это не буква. Это «Бизнес». Есть ещё уровни «О» (олигарх) и «Н» (нищеброд). Я долго пытался найти на карте желаний себя и нашёл: в углу была моя фотография, приклеенная скотчем. Под ней — надпись карандашом: «Отпустить с благодарностью».

Я тогда не понял. Я думал, это про старую фотографию, неудачную. Я там правда плохо вышел, с открытым ртом, на шашлыках.

Не-а. Это было про меня целиком.

В тот год у нас почти случился отпуск: два чемодана, домики под Калининградом в закладках и жёлтая полоска в календаре. Я выяснял, что дешевле — самолёт или поезд. Мы уже почти были у моря.

По выходным я ездил на другой конец Москвы, в сервисный центр, где за доплату разбирал возвраты. Один мужчина принёс душевую лейку в шерстяной детской шапке. Сказал, родную упаковку выкинул, а царапать жалко. Аппарат действительно оказался исправным. Вода текла вкривь оттого, что его тёща заклеила часть дырочек строительным клеем. Я поменял ему лейку из витринного запаса. Шапку он оставил.

Кристина про подработку знала. Про что коплю — тоже. Иногда вечером спрашивала, далеко ли мы уже доехали. Мы радовались маленьким географическим успехам. На ремонтном комплекте для дорогого термостата мы добрались до Твери. На десяти дешёвых бачках чуть проехали Ржев. С каждым месяцем такие разговоры становились всё короче. Она уезжала к Галине и звонила из шумного зала, а я, помню, орал: «Нелидово! Мы уже, блин, в Нелидове!» В ответ что-то шуршало. Было похоже на прибой.

В июле я пришёл домой с конвертом. И обнаружил в прихожей посетительницу. Она стояла в тонких больничных бахилах поверх хороших туфель и обнимала толстую картонную трубу. Я подумал — монтажница натяжных потолков. После года ремонта монтажники ещё долго сниться будут. Но женщина очень вежливо представилась: Римма, группа четверга. И сказала, что сейчас меня проинструктируют.

Я посмотрел на Кристину. На ней была моя старая белая рубашка, в которой она обычно ходила по квартире, и красная помада, с которой обычно выходила. На полу в комнате уже были расстелены простыни. У подоконника стояла зажжённая свечка в стаканчике из-под горчицы.

— Ты же говорил, до восьми, — сказала она.

— Один мужик не привёз биде. У меня образовалась пара часов.

Римма вынула из трубы рулон глянцевой бумаги и поставила ботинки на два угла, чтобы не скрутилась. Смотрелось это как начало военного совета. Я даже узнал скамеечку с вырезанным на спинке сердцем. Рядом уже были наклеены чужая машина и белое окно с длинными шторами. Меня от этого окна почему-то пробрала ревность. Я привык, что на наше море смотрим только мы.

— Мы вас не прогоним, — сказала Римма. — Мужчина имеет право присутствовать при активации, если он в носках.

— Я у себя дома вообще много на что имею право. Например, у нас есть туалет.

В туалете я зачем-то пересчитал деньги. Снаружи шёл неизвестный науке процесс, очень похожий по звукам на сборку шкафа. Я вышел. Римма, держа на весу большой лист, шипела:

«Выше!» Кристина стояла на табуретке, вытягивала руки, а в зубах у неё было шесть канцелярских кнопок. Старая краска на стене крошилась, кнопки вылетали.

— Так не удержится, — сказал я. — У нас там рыхло.

— А ты откуда знаешь? — спросила Римма.

— Я тут живу. Я даже немножко в этой стене застрял прошлой осенью.

Я принёс кусок тонкой рейки, оставшейся от кухни. Положил поверх бумаги, наживил два самореза. Римма отступила и сказала очень просто, без всякого волшебства: «Вот теперь красиво». Кристина тоже отступила, упёрлась спиной мне в плечо. И стояла. А я разглядывал сердце на скамейке.

Потом Римма и Кристина писали обещания на бумажках и складывали в коробку от печенья — открыть через год. Я заварил чай, нарезал колбасу, нашёл чистую чашку. Римма съела четыре бутерброда.

— Ты тоже пиши, — сказала мне Кристина.

Римма надела туфли, убедилась, что на подошве не осталось клея, и ушла. Мы бы могли достать сейчас конверт. Шестую ночь пришлось бы спать в море. Я положил конверт возле коробки. Кристина посчитала. Когда человек считает деньги, отложенные на радость, у него другое лицо, чем когда он их тратит. Она всё время чуть приоткрывала рот. Потом убрала половину обратно.

— Давай возьмём мамам по нормальному одеялу, — сказала она. — Твоя опять писала, что спит под прадедовским. И моя с холодными ногами ходит.

— А наше море?

— Так им тоже холодно.

С этим было трудно спорить. Да и не хотелось. Мы купили два прекрасных одинаковых одеяла в клетку. Я отправил своё в Самару, тёщино отправили следом. До почты мы везли их в метро, Кристина держала своё поперёк живота. Все уступали Кристине место, что страшно её веселило. Море подождало до следующей жизни. Я только потом сообразил, что в итоге мы с моей подработки, её курсов и даже с её подружки Риммы получили два совершенно настоящих одеяла и большое море на стене. Неплохой был месяц. Если бы спросили у нас тогда, всё ли в порядке дома, мы бы, пожалуй, оба кивнули.

Своё обещание в ту коробку я всё-таки положил. Когда уходил наутро, подпихнул свёрнутую бумажку под крышку. Там было написано: «Возьми неделю без телефона». Я думал, Кристина будет хохотать, когда прочитает. Каждый май кто-то верил в здоровый образ жизни, каждый декабрь — в отсутствие недопоставок. Вот и мне захотелось поверить в какую-нибудь ерунду.

✦ ✦ ✦

В тот вечер Кристина вернулась с занятий позже обычного. Я как раз жарил картошку. Знаете, такую, с луком, на чугунной сковородке, которую мне бабушка подарила на свадьбу со словами: «Сковородка переживёт любой брак». Бабушка, как выяснилось, знала больше, чем Галина.

Кристина встала в дверях кухни. Не раздеваясь.

— Лёша. Нам надо поговорить.

Есть три фразы, после которых мужчина понимает, что сейчас будет плохо. «Нам надо поговорить», «Ты только не волнуйся» и «Я тут посмотрела твой телефон». Первая — самая страшная, потому что непонятно, к чему готовиться.

— Давай, — сказал я и выключил газ. Картошку было жалко.

— Я тебя бросаю.

Пауза. Где-то за стеной сосед сверлил. Сосед сверлил всегда, это был фон моей жизни, как шум моря у тех, кто живёт в Сочи.

— В смысле?

— В прямом. Мне нужен миллионер. Вселенная мне его даст. Но пока рядом ты, она не может, канал занят.

— Канал занят, — повторил я. — Я что, как радио «Шансон»? Я на частоте сижу?

— Не начинай. Галина Петровна сказала, что ты тянешь меня на дно. У тебя бедное мышление. Ты закупаешь унитазы.

— Я закупаю инсталляции. Это премиум-сегмент!

— Ты тянешь меня на дно, Лёша. В прямом смысле. Ты даже работаешь с тем, что внизу.

Тут, конечно, сложно было возразить.

Я сел на табуретку. Картошка остывала. Сосед досверлил и начал забивать что-то молотком, словно специально под ритм моего сердца.

— Во расклад, — сказал я наконец. — Я с таким не согласен.

— Это не тебе решать.

— А кому? Вселенной?

— Да.

Она достала телефон и прямо при мне набрала номер. Поставила на громкую связь. Я услышал этот голос, голос с птицефермы, голос, зовущий быка:

— Алё, Кристиночка! Ну что, сказала?

— Сказала, Галина Петровна. Он не согласен.

— Ну конечно не согласен! Нищеброд никогда не согласен, когда от него уходит его ресурс! Кристиночка, я понимаю, тебе больно. Но это боль роста. Как у курицы, когда она несёт яйцо. Больно, а потом — яйцо! Надо его бросить ради миллионера. Вселенная уже держит его для тебя в ладошке.

— Кого держит? — спросил я. — Миллионера в ладошке?

— А это он? — оживилась Галина. — Алексей, здравствуйте. Отпустите девочку. У вас карма вязкая.

— У меня картошка вязкая! Потому что остыла!

Кристина выключила громкую связь, ушла в комнату и закрыла дверь. Я съел всю картошку. Холодную. Прямо из сковородки. Это был, пожалуй, самый мужской поступок в моей жизни на тот момент.

✦ ✦ ✦

Дальше было ни шатко ни валко. Знаете, как бывает в сериалах, где серия заканчивается драмой, а следующая начинается так, будто ничего не случилось? Вот так и мы. Кристина не уходила. Мы жили в одной квартире, ели в разное время, спали в разных комнатах. Она ходила на курсы. Я ходил на работу. Сосед сверлил.

Пока Кристина собиралась уйти, дома началась олимпиада по бесшумному обращению с вещами. Скрипучую ручку шкафа я смазал, и к концу марта у нас была самая тихая мебель в Восточной Европе и ни одной темы для завтрака.

Как-то в субботу в девять утра в дверь позвонили. Мы оба вышли. Пришёл участковый мастер счётчики проверять.

— А вы, молодые люди, давно показания передаёте вот эти?

Я сказал, что последние два года передаю я, и могу гордиться именно этим видом деятельности. Кристина сказала, что первые два месяца передавала она. Мастер присел на корточки. Открыл воду в холодном кране, прислушался. Потом зачем-то приложил к шкафу ухо, как к животу беременной корове.

— Только сильно не смейтесь. У вас номера перепутаны. Красный у вас синий, синий красный. Два года назад их местами вписали.

Хорошо, что я тогда не стоял на табуретке. Мне захотелось быстро переехать в соседнюю страну. Кристина подошла ближе. Ткнула пальцем в короб: «А этот у нас был изначально, его не меняли». Мастер кивнул. Начали фотографировать. На телефоне оказался полный альбом

наших труб с точными датами и серийными номерами. В ту пору, когда я по вечерам закупал срочные компоненты и объяснял по телефону, почему одним нужен сантехнический лён, а другим уплотнительная нить, кто-то же здесь открывал дверь водопроводчикам в восемь утра.

— Сколько мы должны? — спросил я.

— Увидите по результату сверки. Должны — это вы сразу решили. Может, они вам должны.

— Это мы ещё выясним, — сказала Кристина голосом директора районного дома культуры.

Управляющая компания работала до часу. Я сунул в рюкзак документы на счётчики и зачем-то гарантийный талон от тостера. Мы впервые за неделю вышли из дома вдвоём. В очереди было двадцать три человека; на единственном стуле спал трёхлетний мальчик.

Когда очередь дошла до нас, женщина в окошке попросила копию, потом попросила копию копии. Кристина показала фотографии в телефоне. Женщина вытянула шею. Достала очки. Сняла очки. В результате на наш телефон смотрели четыре глаза, а мы с Кристиной прижимались друг к другу, как люди, делящие в лютый мороз один рукав. И я мог бы поклясться, что всё, случившееся на кухне три недели назад, теперь можно взять обратно.

— Муж может у вас посмотреть, — сказала женщина, имея в виду стол, заваленный документами. — Вы заявление пишите. Мальчики эти цифры запоминают.

— Этот мальчик два года номера путал, — ответила Кристина. — Пусть пишет. А я запомню.

Впервые за долгие недели мы оказались отличной парой. Я писал быстро, она диктовала без пауз и без канцелярита. В графе «прошу изложить суть» мы совместно поместили ровно три предложения. Женщина в окошке приняла, расписалась в нашей копии и пожелала долгой счастливой жизни. С задних рядов кто-то сказал «следующий» с такой интонацией, будто эта счастливая жизнь уже окончилась и он теперь вправе на ней посидеть.

По дороге домой Кристина купила мальчику из очереди пакет сока. Мы видели, как он тянулся за соломинкой, уронил её, потом спустился со стула и поднял, и я в тот момент почувствовал очень отчётливо, что хочу детей именно с этой женщиной. Хотелось, чтобы, если наша общая соломинка упала на пол, рядом оказалась Кристина; она рукой сотрёт с неё пыль, а я успею сказать, что с другой стороны она ещё в плёнке. Какая глупая вещь для того, чтобы так вдруг заболело под рёбрами.

— Поедим? — спросил я. У остановки торговали чебуреками, а мы с рождения нашей ипотеки верили только в кредитную историю и в горячие чебуреки.

— Давай.

Мы ели на лавочке. Я, по привычке, обернул бумажную салфетку вокруг её ладони: бульон всегда проливается на светлое пальто. Она дала завернуть. Потом заметила, как я на неё смотрю, и очень спокойно сказала:

— Ты только не думай, что я тебя так воспитываю. Молчанием и всем остальным. Я на самом деле ухожу.

— Из-за того, что я тебя не спросил, как день прошёл?

— Если бы из-за этого, я бы сказала: спроси. — Она помолчала. — Я с тобой уже с утра знала, что вечером скажу. Я даже знала, как ты ответишь. Пошутишь. Я тоже умела за тебя шутить, когда тебя дома не было. Ела, выписывала показания, разговаривала в голове с тобой. Иногда мне с воображаемым тобой было веселее.

— Я могу отвечать неожиданно.

— Знаю, Лёш. Ты вот только что завернул мне руку.

Она показала на пропитавшуюся маслом салфетку. Кто бы знал, как много бывает нежности в злости. Когда мы вернулись домой, мы всё-таки разошлись по своим комнатам. А через пять недель на наш общий лицевой счёт вернулись три тысячи четыреста с чем-то рублей. Их

потратили на электричество. Электричеству решительно всё равно, кого бросили и кто выиграл спор. Свет загорается в обеих комнатах.

Иногда мне казалось, что всё рассосётся. Что Галину посадят за мошенничество, или она уедет на Бали, или Вселенная наконец-то пошлёт её саму куда подальше. Однажды Кристина засмеялась над моей шуткой. Случайно. Потом быстро сделала серьёзное лицо, словно нарушила диету.

А через три месяца я пришёл домой, и половины вещей не было. Не было её одежды, её фена, её денежной жабы. Чай «Изобилие» остался. Восемь мешков. На холодильнике висела записка, написанная на обратной стороне моей же фотографии с шашлыков:

«Отпускаю с благодарностью. Вселенная знает, что делает. Не звони. К.»

Я позвонил. Номер был заблокирован. Я написал во все мессенджеры. Везде заблокирован. Я даже, стыдно сказать, написал в отзывы на сайте Галининых курсов: «Верните жену». Отзыв не прошёл модерацию.

Я начал искать забытые вещи. Синяя заколка нашлась возле стиральной машины. Потом нашёл бумажный пакет с новым фильтром для воды. На нём её рукой было написано: «Поменять в среду». Эту просьбу я выполнил на четыре дня раньше. Глупо было дожидаться среды, если среду ещё никто не обещал.

По квартире я двигался довольно бодро до тех пор, пока не обнаружил тот самый детский подстаканник железнодорожного вида. Он стоял один на верхней полке. Внутри я заметил сложенную бумажку и сдуру принял её за фотографию. Фотография оказалась инструкцией по настройке роутера. Роутер тоже достался мне. Удобный, с двумя антеннами. На одной болталась резинка для денег.

Кто-то постучал. Я так быстро кинулся к двери, что по дороге успел набить большую синюю шишку о косяк.

На пороге стоял сосед с перфоратором. Впервые в жизни видел его вблизи. Худой, лет на пятнадцать старше меня, кончик носа белый от гипса. В руке у него был пакет, полный голубых плиток.

— Говорят, вы в сантехнике понимаете. Я тут решил остановиться наконец. Надо посмотреть, не задел ли воду.

— Когда остановиться? — только и смог спросить я.

— Сегодня. Завтра за дочерью еду. Она со мной теперь жить будет.

Соседскую квартиру я представлял себе выдолбленной насквозь. Дочери после операции было трудно стоять. Десяток плиток он испортил, пока сверлил: боялся сильно нажать. Потом переживал за трубы. Я тюкал по коробу костяшками, а сосед смотрел на меня с откровенным страхом. У него так тихо было без перфоратора, что щёлкнувший где-то у меня в квартире выключатель мы услышали оба.

— Труба далеко, — сказал я. — Достаньте крепёж покороче. От таких костылей у любого стена заведётся.

Он принёс коробочку от леденцов, там нашлась подходящая пара. Ключ у соседа был разболтан, я принёс свой. Мы поставили скамейку, разложили, сложили, положили сверху две гири и пачку гречки для верности. Скамейка выдержала. Вдруг из ведра сказали весёлым голосом: «Не забудьте подписаться!»

— Обычно вы в это время всё ещё сверлите, — сказал я.

— Обычно никто не говорит, что там труба далеко.

Мы посидели на двух ведёрках из-под краски. Сосед завёл будильник на утро. Я спросил, что делать, если ребёнок завтра всё это увидит и ей не понравится.

— Тогда пересверлю, — ответил он. — А что ещё?

В тот вечер я впервые полез в наш собственный семейный тайник за холодильником. Потихоньку, по сантиметру, выкатил эту махину. Из-за компрессора выпал засохший абрикос,

а под слоем кухонной пыли обнаружилась та самая рыба в полный рост. Кисть у маленького аквалангиста была непропорционально большая, пять пальцев растопырены, словно он прощается. Я её обтёр мокрой тряпкой. А потом минут десять молился, чтобы холодильник вообще когда-нибудь получилось задвинуть обратно в одиночку. В этом, думаю, и заключалась большая часть моего первого вечера свободы. И, пожалуй, свободы вообще: то, что ты вытащил, теперь тебе и заталкивать.

Знаете, иногда я чувствую себя словно в кино. Так себе и представляю: пустая квартира, вечер, я стою у окна, в руке пачка сигарет, хотя я не курю уже пять лет. И где-то фоном Цой своим низким голосом поёт про то, что всё не так уж плохо на сегодняшний день. Красиво. Только в кино в этот момент у героя есть билет. А у меня был только чай «Изобилие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.